

---

## КОНСТРУИРОВАНИЕ ФЕНОМЕНА «БЕДНОСТИ» В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

*Дж. Раунд*

В статье анализируются усилия правительства России по преодолению бедности. Автор стремится показать, что эта задача может привести не столько к изменению логики перераспределения результатов экономического роста среди маргинализованных слоев населения, сколько к переосмыслению теоретического объяснения и количественной оценки бедности государством. Взяв в качестве кейс-стади реформы, проводимые в настоящее время в сфере социального обеспечения, автор полагает, что без радикального изменения политического мышления правительства будет весьма трудно основательно сократить уровень бедности за установленный промежуток времени, поскольку социальная политика формируется под сильным влиянием идеологии.

*Ключевые слова:* социальная политика, бедность, идеология, социальные реформы

### **Введение**

После распада Советского Союза огромное количество российского населения практически в мгновение ока оказалось за чертой бедности. Рыночные силы, ворвавшиеся в государство, не имевшее опыта функционирования в условиях рыночной экономики и обладавшее лишь незначительным количеством финансовых и юридических институтов, сдерживаемые потребительским спросом и значительным превышением бюджетных расходов над доходами, вызвали гиперинфляцию, уничтожившую сбережения, безработицу, вновь ставшую законной, и задолженности по зарплате [Jha, 2002].

---

Первая версия статьи была опубликована в Round J. The construction of 'poverty' in post-Soviet Russia // Perspectives on European Politics and Society. 2005. Vol. 6. No. 3. Перевод публикуется с любезного разрешения автора и журнала Perspectives on European Politics and Society.

В середине 1990-х некоторая стабильность была достигнута, но девальвация рубля в 1998 году вызвала новый виток неопределенности и маргинализации. С начала нового столетия российские экономические показатели производят большое впечатление, несмотря на их сильную зависимость от высоких цен на нефть. Однако когда президент В.В. Путин был переизбран на второй срок в марте 2004 года, российское правительство признало, что около 30 млн человек, составлявших 20 % от всего населения, все еще находятся «за чертой бедности» [Госкомстат... 2004a]. Правительство воспользовалось ситуацией для того, чтобы объявить о своем намерении сократить этот показатель вдвое за ближайшие десять лет [World Bank... 2004].

Задача данной работы состоит в том, чтобы показать, что эта чрезвычайно амбициозная цель может привести не только к просачиванию благ, ставших результатом экономического роста, к маргинализированным слоям населения, но и переосмыслению теоретического объяснения и количественной оценки бедности государством. Опираясь на изучение кейс-стади реформ, проводимых в настоящее время в сфере социального обеспечения, мы утверждаем, что без радикального изменения политического мышления правительства будет весьма трудно основательно сократить уровень бедности за установленный промежуток времени, поскольку социальная политика как формируется, так и реализуется с учетом такого критического анализа. Наши рассуждения о проблеме маргинализованного населения также заполнят явный пробел в научной литературе по маргинализации в России. В то время как появляется немало англоязычных работ, посвященных изучению стратегий выживания или адаптации маргинализованного российского работающего населения [см., например: Clarke, 1999; Burawoy et al., 2000; Pallot, Moran, 2000; Seabright, 2000; Busse, 2001; Pickup, White, 2003], дискуссии о неоднозначном взаимодействии государства и индивида на макро- и микроуровне ведутся редко.

Почему важны такие дискуссии? Во-первых, можно утверждать, что нынешние действия государства стимулируют рост теневой экономики в России, так как без соответствующей социальной поддержки людям приходится прибегать к разнообразным стратегиям выживания. Соответственно рост теневого сектора заставляет правительство поверить в то, что большинство населения «обводит государство вокруг пальца», чем препятствует развитию формальной экономики, поскольку не платит налоги, при этом неконтролируемые государством сферы криминализированы и коррумпированы. Все эти процессы способствовали развитию в постсоветской России систем «экономической дегенерации» [Burawoy et al., 2000], «хаотичного капитализма» [Lane, 2000] или «виртуальной экономики» [Gaddy, Ickes, 1998]. Во-вторых, действия правительства привели к кризису взаимоотношений между государством и обществом; при этом любое предложение реформ сразу же вызывает недоверие, способствуя последующему росту напряжения в этих, и без того непростых отношениях. И наконец,

важный аргумент заключается в том, что такие дискуссии помогают пролить свет на ежедневные стрессы, которым подвергаются многие россияне: ведь все чаще звучит мнение о том, что такое затяжное беспокойство способствует текущему демографическому кризису в России [Прохоров, 2001; Round, 2003a].

Чтобы начать дискуссию на эту тему, предлагается сделать краткий обзор формирования понятия «бедности» в постсоветской России, а также определить затяжную природу кризиса. Кроме того, осуществление анализа отношения «элиты» к малообеспеченным слоям населения следует предварить критическим анализом подходов к определению уровня бедности в России<sup>1</sup>. Затем мы рассмотрим реакцию индивидов на эти дискурсы как в психологическом плане, так и с точки зрения существующих непростых отношений с государством. В последних разделах статьи предметом рассмотрения станут продолжающиеся попытки правительства снять с себя ответственность и социальная неопределенность, возникающая из-за этого в обществе.

В статье используются результаты трех исследовательских проектов, реализованных в 2000-2004 годах в Магадане, Санкт-Петербурге и Москве. Таким образом, данная работа основывается на более чем ста пятидесяти качественных интервью и множестве бесед «за чашкой чая», а также на включенных наблюдениях. В Магадане и в Москве исследование было сосредоточено на стратегиях выживания, или адаптации, граждан старшего поколения, оказавшихся в маргинализованном положении вследствие проводимых реформ. В Санкт-Петербурге изучался опыт мужчин среднего возраста, занятых в городской теневой экономике. Во всех населенных пунктах, особенно в Москве, проводились интервью с представителями политической «элиты», научными работниками, практиками НКО и менеджерами международных благотворительных организаций. Статья также основывается на обширных литературных обзорах российской академической печати и публицистики.

---

<sup>1</sup> Использование терминов «элита» и «маргинализованное население» для обозначения определенных слоев общества является, конечно, спорным и неточным. В данном контексте они используются для обозначения двух отдельных групп респондентов. Термин «элита» применяется в отношении лиц, обладающих властью или влиянием (политики, ведущие сотрудники международных организаций и ученые). Термин «маргинализованные» используется для обозначения респондентов, испытывающих экономические лишения и в какой-либо форме получающих государственную поддержку [здесь и далее термин «маргинализованные группы», используемый автором, подчеркивает роль внешних условий и акторов в снижении статуса и ухудшении жизненной ситуации социальной группы. – *Примеч. ред.*]. В большинстве случаев респонденты из «элиты» цитируются анонимно, а подробности о времени и месте интервью в статью не включаются. Все интервью проходили в Магадане, Москве и Санкт-Петербурге в промежутке между сентябрем 2000 и августом 2004 года. Респонденты из числа малообеспеченных слоев населения, названные по имени, цитируются под псевдонимом. Для получения более подробных сведений о методах, примененных в ходе реализации данных исследовательских проектов, пожалуйста, связывайтесь напрямую с автором.

### «Создание» бедности в постсоветской России

В основе данной работы лежит идея о том, что постсоветская маргинализация некоторых групп населения была, по крайней мере, изначально представлена государством как неотъемлемый побочный продукт политических реформ [Тихонова, 2003; Заславская, 2004]. Это не означает, что никто не хотел переходить от социализма и командной экономики к рыночным отношениям, напротив, этот переход был предпринят при полной осведомленности о его социальных последствиях. В советской России бедности, по крайней мере на идеологическом уровне, не существовало [см.: Matthews, 1986]. Люди трудоспособного возраста, кроме граждан, неспособных трудиться, были обязаны работать за зарплату. Государство, часто через профсоюзы, осуществляло полное социальное обеспечение граждан «с колыбели до могилы» [Ashwin, 1999]. Однако, хотя экономическая стагнация проявлялась в уменьшении реальных зарплат и пенсий, государство прибегло к эвфемизму «малообеспеченность». Каждодневной проблемой стала нехватка еды; Брэйтвэйт [Braithwaite, 1997] указывает, что примерно 11 % населения находилось «за чертой бедности» в постсоветский период.

Формирование постсоветской экономики в России, очевидно, шло по «правилам», установленным «Вашингтонским соглашением» [Kolodko, 1999]<sup>1</sup>. Эта структурная адаптационная стратегия, основанная на либерализации, приватизации и интернационализации экономики, до ее принятия Россией была реализована в ряде стран Южной Америки и Восточной Европы. Такая радикальная перестройка экономики неизбежно вызывает значительные социальные издержки [Escobar, 1995; Berardi, 2001; Pender, 2001; Kelly, 2001]. Как утверждают Крисп и Келли:

*Безотносительно к макроэкономическим показателям развивающихся стран наибольшее бремя адаптации к новым условиям всегда будут нести на себе беднейшие сегменты общества. Либерализация цен, удешевление местной валюты, уменьшение государственных расходов, а также сокращение уровня занятости – все это в первую очередь касается бедноты. Контролирование цен правительством и субсидирование потребительских расходов обычно фокусируются на потреблении электроэнергии и продуктов питания, составляющих относительно большую часть бюджета домохозяйств [Crisp, Kelly, 1999. P. 534].*

<sup>1</sup> Вашингтонский консенсус – понятие, впервые использованное американским экономистом Джоном Уильямсоном для обозначения рекомендаций, адресованных государствам, реформирующим экономику. Рекомендации относятся к различным государствам, от Латинской Америки до постсоветских стран, и означают приватизацию, дерегламентацию, налоговую дисциплину, конкурентоспособный обменный курс валюты, либерализацию коммерции и иностранных инвестиций. В настоящее время Всемирный Банк и Международный Валютный Фонд выделяют свои займы в зависимости от готовности стран следовать этим рекомендациям. – Примеч. ред.

Любой, кто знаком с российской экономикой, подтвердит, что ее «освобождение» в январе 1992 года не привело к развитию полноценной рыночной системы [Gaddy, Ickes, 1998; Burawoy et al., 2000; Lane, 2000]. Недостатки институционального развития, связанные с правами собственности и юридическими правами, коррупцией, олигархией и высоким уровнем социальной маргинализации сопровождали эволюцию уникальной по своей сути российской экономики. Социальные потрясения не заставили себя ждать. Гиперинфляция (свыше 2 600 % в 1992 году) уничтожила сбережения и доходы населения, к 1995 году безработица достигла 10 %, зарплата и социальные платежи задерживались в течение длительных периодов. Одновременно в течение лишь одного десятилетия продолжительность жизни мужского населения сократилась с 64 до 58 лет на фоне роста самоубийств, убийств и алкоголизма [Суринов, 2003]. Более того, государство, связанное по рукам как в финансовом, так и в идеологическом плане, освободилось от своих прежних социальных обязательств, и объемы социальных выплат упали ниже установленного государством прожиточного минимума<sup>1</sup>. Статистические данные позволяют увидеть, что размеры пенсий не соответствовали снижению доходов большого числа людей. Заработная плата примерно каждого четвертого работника была ниже прожиточного минимума, и примерно 700–800 тыс. человек получали минимальную заработную плату, которая составляла 600 рублей в месяц, что примерно в 3,5 раза ниже прожиточного минимума [Госкомстат... 2004а].

Государственные деятели, ответственные за проведение основных российских реформ, верили, что связанные с этим социальные издержки будут краткосрочными благодаря экономическому росту, предоставляющему возможности «для новых бедных». Фрилэнд утверждает, что реформаторы, столкнувшись на практике с увеличением числа социальных проблем и сокращением социальных гарантий, полагали, что это было свидетельством успешного протекания «переходного» процесса [Freeland, 2000]. Большинство из них, основываясь на опыте восточноевропейских стран, было убеждено в том, что за резким спадом должен будет последовать относительно высокий уровень экономического роста, как только рынок примет определенную форму. Такой рост предоставил бы многочисленные возможности для тех, кто стал безработным и со временем принес бы пользу всему обществу. Таким образом, как видно из проведенного анализа, миллионы людей были доведены до обнищания, явившегося прямым результатом политической деятельности, предполагающей, впрочем, что будущий экономический рост должен вызволить их из

---

<sup>1</sup> Это краткий обзор реформ, проведенных в российской экономике, и Вашингтонского соглашения начала 1990-х годов [Для получения более полной информации см.: Williamson, 1990; Williamson, 2000; Solimano, 1998; Smith, Swain, 1998; Kolodko, 1999; Zanetta, 2001; Coleman, 2002. Для получения дополнительной информации о реструктуризации государственных обязательств в сфере социальной защиты см.: Åslund, 1995; Åslund, 2001; Layard, Parker, 1996; World Bank, 2002].

бедности. Через 13 лет после реструктуризации российской экономики стало ясно, что это предположение было ошибочным.

### **Победители и проигравшие**

Распад Советского Союза разделил российское общество на «победителей» и «проигравших». Подобный раскол общества на две части не является чем-то, что характеризует исключительно постсоветский опыт. Абрахамсон отмечает [Abrahamson, 2004. P. 95]:

*Социология всегда четко характеризовала общество через отношение к процессам интеграции и исключения. Общество определяет себя, создавая системы различения своих от других.*

Далее Абрахамсон рассуждает о том, каким образом переход государств к постиндустриальному глобальному обществу обусловил необходимость перестройки политики в области социального обеспечения в связи со старением населения, устойчивым уровнем безработицы и уходом государства из сферы трудовых отношений на рабочем месте. Как отмечает Мэннинг [Manning, 1998. P. 49], работа стала «основным пропуском» к другим социальным благам, например таким, как пенсия. Напротив, мы считаем, что правительства возлагают вину на самих «проигравших» за их затруднительное положение. Байрн [Byrne, 1999] утверждает, что на протяжении всей индустриальной истории на «бедных» возлагали вину за их затруднительное положение, а безработица считалась свободным выбором каждого человека. Данный дискурс, как утверждает автор, еще более укрепился с наступлением постфордистского периода. Маккей [Maskay, 1998. P. 50–51] приводит в пример следующее:

*Безработные могут приступить к трудовой деятельности, продемонстрировав свое желание принять низкий уровень оплаты труда, менее привлекательные условия труда, долгий путь до работы или же сменив род занятий, сферу занятости и местоположение работы. Недостаточная гибкость вызывает безработицу «по собственному выбору».*

Далее в этой статье всесторонне обсуждается, что «негибкость» является главным скрытым оправданием для российского правительства. Используя идею выбора трудового статуса и распространяя ее вплоть до того, что жизнь «в бедности» является личным выбором человека, государство может уклониться от выполнения прежних социальных обязательств, указывая на наличие рабочих мест таких успешных людей, которые пользуются предоставленными возможностями.

Однако такая теоретизация бедности на государственном уровне не учитывает того очевидного факта, что многие «бедные» на самом деле заняты трудовой деятельностью. Маргинализованы они скорее из-за сложившегося дисбаланса доходов и расходов, возникшего, например, в результате высокой инфляции, нежели вследствие «морального разложения». Как

утверждает Оршански [Orshansky, 1969. P. 37], «бедность как красота оценивается наблюдателем». Бауман [Bauman, 1998], развивая эту точку зрения, рассуждает на тему, почему «бедные» являются избытком как производства, так и потребления в постиндустриальных обществах и, следовательно, становятся объектом порицания, обнаруживая недостатки системы. В целом теоретические воззрения на бедность, которые демонстрируются государством, не могут не оказывать скрытого влияния на проведение социальной политики [Cameron, 2005].

Попытки России перестроить систему социального обеспечения привлекли значительное внимание со стороны научного сообщества в России и за рубежом (см., например, публикации британских исследователей Роуз [Rose, 1994; Rose, 1998; Rose, 2000], Маколи [McAuley, 1995] и особенно труды Мэннинга [Manning, 1998; Manning et al., 2000; Manning, Tikhonova, 2004]). Мэннинг с соавторами [Manning et al., 2000] отмечают, что после распада Советского Союза Россия стояла перед жестким выбором относительно реформы социального обеспечения. Первый вариант состоял в следующем: отложить развитие системы социальной поддержки населения, с тем чтобы направить ресурсы на экономическое развитие. Однако эта схема не сработала бы в условиях огромного количества социальных проблем, с которыми столкнулась страна в начале 1990-х годов. Поэтому попытки реформирования были направлены на оказание адресной социальной помощи путем выплаты пособий по безработице, предоставления субсидий на социальные нужды и денежных пособий. Проблемы с такой схемой реформирования социальной поддержки населения подробно рассматриваются далее.

Маколи [McAuley, 1995. P. 189] оказался чрезвычайно проницательным, учитывая тот факт, что проблемы, о которых он говорит, продолжают существовать даже десятилетие спустя:

*Переходный период в России сопровождался чрезвычайно резким возрастанием неравенства. Нет никаких оснований думать, что все изменится в лучшую сторону в ближайшем будущем. В период экономического роста, если таковой наступит, неравенство, вероятнее всего, сохранится. Это означает, что относительно высокий уровень бедности будет трудно сократить, и он не будет снижаться.*

Как отмечает Давыдова [Davidova, Tikhonova, 2004], существует множество способов измерять постоянный устойчивый уровень бедности. Автор утверждает, что узкие интерпретации количественных исследовательских данных не позволяют раскрыть сложность и изменяющуюся природу того, как индивиды / семьи действуют в определенных жизненных обстоятельствах. Более того, как отмечает Томпсон [Thompson, 2002. P. 107], данные исследований по качеству жизни населения носят «сомнительный характер». Конечно, это касается не только России. Как утверждают многие социальные теоретики, такие как Лефевр [Lefebvre, 1992] и де Серто [de Certeau, 1984], повседневная жизнь состоит из совокупности чрезвычайно

сложных связей. Тем не менее во всем мире данные количественных исследований определяют проведение социальной политики.

В исследовании феномена бедности и социального исключения Мэннинг в полной мере учел эти сложности, постаравшись преодолеть ограничения количественных данных. В ходе лонгитюдных качественных интервью было выявлено, что бедность и маргинализация – это явления, зависящие не только от уровня доходов населения, но и складывающиеся под влиянием фактора времени. В результате таких исследований ученые пришли к общему выводу относительно того, что новая российская система социального обеспечения недостаточно ориентирована на целевые группы и в целом весьма неэффективна. Мы тоже согласны с выводами исследований, которые демонстрируют, что российское государство до сих пор ориентируется на узкое понимание бедности, определяемое по чисто количественным показателям. Однако основная цель нашей статьи заключается в демонстрации того, как российская элита контролирует дискуссии о бедности, препятствуя таким образом возможным реформам. Это поможет ответить на вопросы, недавно поставленные Мэннингом [Manning, Tikhonova, 2004. P. 226]:

*Почему государство хочет снять с себя практически всю ответственность за социальный кризис, а не стремится усилить свою контролирующую функцию? Почему оно отказалось взять на себя функции социального гаранта, которые должно выполнять в этот переходный период, и возложило ответственность на органы местного самоуправления? Почему оно поставило гражданина – нового субъекта социальной политики – в условия конкурентной борьбы даже за получение социальных благ?*

Далее будет показано, каким образом такая концептуализация психологически влияет на малообеспеченные слои населения в России, то есть будут затронуты вопросы, которые недостаточно глубоко рассматриваются во многих современных исследованиях. Рассмотрев отношение элит к конструированию бедности, а также видение этой проблемы отдельными гражданами, мы покажем, почему текущие реформы системы социального обеспечения не в состоянии ответить повседневным нуждам маргинализованных групп населения в России.

### **Измерение и перспективы бедности**

В рамках данной работы невозможно полностью определить причины того, почему ожидания реформаторов относительно экономического роста России не оправдались. Здесь скорее рассматриваются причины социальной маргинализации, глубоко укорененной в постсоветском российском обществе. Как отмечалось ранее, в 2004 году 30 млн россиян считались «бедными» (проблемы, сопровождающие подсчет этих количественных данных, подробно рассматриваются далее). В конце 1990-х годов этот показатель снизился до своего максимального значения, что произошло частично из-за



того, что количество представителей маргинализованных слоев населения значительно возросло после дефолта 1998 года; с тех пор эта цифра изменилась в меньшую сторону. Однако, как можно судить по данным государственной статистики, уменьшение количества граждан с доходами ниже прожиточного минимума не совпадает с ростом ВВП [Госкомстат... 2004а].

Несмотря на объявленное намерение сократить уровень бедности, на самом деле государство активно причисляет людей к этой категории граждан. Как указывает Овчарова в интервью с Архангельской [Архангельская, 2004], «одной из особенностей российской бедности является то, что половина бедных имеют работу». Виновато в этом в основном государство, поскольку многие работники бюджетной сферы получают заработную плату ниже установленного государством прожиточного минимума. Более того, менее 1/4 общего фонда заработной платы в России, что составляет около 5 000 млн рублей, приходится на государственных служащих [Госкомстат... 2004б]. Данные статистики и альтернативные подсчеты показывают, что многие граждане преклонного возраста в России получают пенсию ниже установленного государством прожиточного минимума, а некоторым вообще не выплачиваются ни заработная плата, ни пенсия на протяжении длительного периода времени [Госкомстат... 2004а; World Bank... 2004]. Поэтому, в то время как государство призывает к сокращению уровня бедности, фактически можно утверждать, что его действия еще более обостряют проблему.

Само понятие установленного государством прожиточного минимума должно быть подвергнуто сомнению. В начале экономических реформ предполагалось, что размер социальных выплат будет соотноситься с быстрорастущими ценами. Ни тогда, ни сейчас никто не предвидел, что этот механизм будет иметь столь широкое использование. Величина установленного государством прожиточного минимума настолько мала, что покрывает расходы только на самые необходимые продукты питания и кое-какую одежду. Как метко подмечает В. Симонов [Симонов, 2004]:

*Потребительская корзина [на основании которой рассчитывается установленный государством прожиточный минимум] включает в себя один костюм, состоящий из трех предметов, который необходимо носить в течение пяти лет, шерстяные брюки (на четыре года) и одну пару обуви, которая, по-видимому, должна быть очень прочной и, наверное, даже иметь стальные подошвы, так как прослужить она также должна полдесятилетия.*

По мере того, как процесс проведения реформ затягивается, все более проблематичным является то обстоятельство, что установленный государством прожиточный минимум не учитывает изнашивание бытовой техники, например, плиты и холодильника. Многие маргинализованные граждане из числа наших собеседников, например жители Магадана, были вынуждены продавать личное имущество, чтобы содержать в исправности быто-

вую технику. Это вполне объяснимо, учитывая тот факт, что в Магадане из 2 000 назначенных пенсий лишь 48 % составляли установленный государством прожиточный минимум [МагГоскомстат... 2000]. Один из респондентов, говоря о проблемах, обсуждаемых всеми информантами, рассказал о том, как трудно жить на доход, примерно составляющий размер прожиточного минимума в Москве:

*Если после оплаты коммунальных услуг, таких как телефон, электричество и т. п., купить к столу самый необходимый минимум продуктов, например хлеб, молоко, яйца, растительное масло, морковь, картофель, лук, крупу и чай, то денег не останется совсем. Нет возможности заплатить за самые необходимые вещи, такие как лекарства, шампунь, средство для мытья посуды, зубную пасту, дезодорант, проезд в общественном транспорте. Нет также возможности приобрести какую-либо одежду, книги, сходить в театр хотя бы один раз в пять лет, пользоваться Интернетом – ничего подобного. Невозможно пригласить гостей к себе на день рождения, нельзя купить подарки ко дню рождения друзей и родственников. Человек чувствует себя полностью изолированным от общества.*

Заключительные слова из цитаты свидетельствуют о том, что маргинализация – это не просто недостаток разнообразной пищи, она подразумевает, что большинство респондентов чувствует себя исключенными из повседневной жизни и повседневных процессов, что является результатом их низких доходов [см. также: Альперович, 2004]. Многие наши маргинализованные информанты исключают себя из повседневного общения. В советский период, не будучи «богатыми», они имели доходы, позволяющие им участвовать в культурных мероприятиях, спортивных событиях и ежегодных праздниках. В настоящее время для многих людей главным местом отдыха является дача<sup>1</sup>, так как позволить себе другие виды отдыха они не в состоянии<sup>2</sup>. Однако даже это немного находится под угрозой в результате реформирования дотационной системы социального обеспечения. Более подробно этот вопрос обсуждается далее.

Для маргинализованных групп населения доступ к услугам здравоохранения является поводом для постоянного беспокойства. Растущий спрос на

<sup>1</sup> Термин «дача» имеет очень большое значение в российском контексте. В самом общем смысле он означает участок земли в сельской местности, который принадлежит горожанам. Однако термин является отчасти «универсальным», так как он относится и к домам, стоимостью в многие миллионы, возведенным богатыми новыми русскими, и к весьма элементарным постройкам, расположенным на крошечных участках земли, которые возделывают маргинализованные горожане. Для получения более подробной информации см. Ловелл [Lovell, 2003].

<sup>2</sup> Из-за большого разрыва между доходами малообеспеченных слоев населения и доходами элиты цены в индустрии отдыха в России часто выглядят нелепо, так как владельцы этого бизнеса знают, что даже если бы цены были ниже, для многих они были бы недоступными. Так как элита имеет высокие доходы, цены устанавливаются соответствующим образом. Например, в Санкт-Петербурге вход во многие плавательные бассейны стоит более 10 долларов за одно посещение.

медицинские услуги<sup>1</sup> и тенденция платить за лечение и лекарства неофициальным путем указывают на то, что население имеет неравный доступ к системе здравоохранения. Граждане старшего поколения в Магадане, например, зачастую не могут получать бесплатные лекарства, так как фармацевты заявляют, что государство не возмещает расходы на них. В Москве респонденты говорили о том, что им приходится стоять в очереди по два дня, чтобы попасть на прием к врачу, имеющему право выписывать бесплатные лекарства. Качество и ассортимент имеющихся в наличии лекарств оставляют желать лучшего, и, как признался один врач, со стороны начальства ощущается постоянное давление с тем, чтобы ограничить предлагаемую помощь. Респонденты заявляли, что лекарства часто не подходят, потому что поспешные консультации в отсутствие надлежащего диагностического оборудования не позволяют поставить точный диагноз. Даже в больницах часто нужно неофициально платить за лечение и уход. Одна наша собеседница рассказала о своем опыте пребывания в московской больнице:

*Я провела более двух месяцев у постели своего племянника в институте Склифосовского после того, как он попал в аварию. Моя мама подменяла меня в выходные. Уход за ним был таким плохим, что мы попросили разрешения приходить и присматривать за ним. Нам позволили это сделать только после того, как мы согласились помочь еще десяти пациентам в его палате. Особой помощи медсестер нам не требовалось, но заставлять их делать назначенные уколы – это был просто кошмар, к тому же большую часть времени они были в нетрезвом состоянии. Я понимаю, что зарплата у медсестер маленькая, но это не дает им право выпивать на работе, хамить и вести себя так грубо...*

Недостаток государственного финансирования усугубляет низкие заработные платы медицинского персонала, что делает затруднительным поиск и сохранение ключевых медицинских работников. Ту же самую проблему можно наблюдать и в системе образования [World Bank... 2004].

### **Сколько «бедных» в России?**

Конечно, невозможно точно определить количество «бедных» в России. Учитывая установленный государством прожиточный минимум, их число оценивают в 30 млн, что может оказаться существенной недооценкой истинного уровня «бедности». Анализ государственной методологии подсчета этого показателя не дает ясного ответа на вопрос, кто был учтен, а кто – нет. Бездомные – как взрослые, так и дети улиц – не берутся в расчет, хотя эта категория могла бы составить еще 100 тыс. человек только в Москве [Myers, 2003]. Входят ли в эту цифру граждане, вынужденно покинувшие свои дома

<sup>1</sup> Число больничных мест на человека остается прежним, а количество больных с каждым годом увеличивается [Госкомстат... 2003].

в результате Чеченской войны, и лица, находящиеся в пенитенциарных или медицинских учреждениях? Те, у кого доход превышает 100 долларов США в месяц, но кто не имеет в доме проточной воды или отопления, в эту цифру не входят. Так же, как и те, кто вынужден присматривать за больными, страдающими алкоголизмом или осиротевшими членами семьи, уход за которыми требует более высоких доходов. Учитываются ли шахтеры, которые формально зарабатывают выше прожиточного минимума, однако не получают по полгода зарплату?

Однако федеральное правительство и многочисленные международные организации утверждают, что уровень бедности на самом деле гораздо ниже представляемых в отчетах официальных данных вследствие высокого уровня незаявленной и, соответственно, незарегистрированной экономической деятельности, которой занимаются россияне. Таким образом, среди политиков распространено мнение, что неформальные виды деятельности позволяют многим индивидам, заявляющим о том, что их доход ниже прожиточного минимума, избегать «бедности». Российское правительство полагает, что неформальная экономика составляет до 20 % от заявленного ВВП, а данные Всемирного Банка указывают на 50 % по меньшей мере [World Bank... 2002]. Однако было бы слишком просто утверждать, что занятость в неформальной экономике автоматически позволяет избежать маргинализации. Для наших информантов в Санкт-Петербурге нелегальная трудовая деятельность является единственной потенциальной формой дохода, так как возвращение на официальный рынок труда ограничено по причине возраста, а государство делает почти невозможным оформление документов для получения социальных пособий (подробнее см. далее). Возможности, которые предоставляет неформальная занятость представителям малообеспеченных слоев населения, сопровождаются низкими, часто нерегулярными доходами. Это помогает им выжить, но не избежать «бедности». Конечно, численность россиян, получающих значительные неофициальные доходы, высока, но, судя по наблюдениям, проведенным во многих отраслях экономики, такие доходы часто связаны с доступом к определенным ресурсам, например высокооплачиваемая работа или хорошая должность. Так что это как раз тот нередкий случай, когда «богатые становятся еще богаче», в то время как представители маргинализированных слоев населения борются за выживание. В государственном дискурсе такие особенности неформальной экономики не находят отражения.

Тем не менее очевидно, что десятки миллионов человек вынуждены мириться с очень низким качеством жизни, владеть жалкое существование [см.: Manning, Tikhonova, 2004]. Несмотря на рост российской экономики, нет гарантии того, что эффект просачивания доходов к маргинализированным группам населения сократит уровень «бедности». Более того, этому процессу препятствует отношение «элиты» к представителям маргинализо-

ванных слоев населения. Дальнейшее изучение этого отношения позволит выяснить, каким образом оно мешает эффективному проведению социальной политики.

### **Отношение «элиты» к бедности в постсоветской России**

Отношение «элиты» к «бедности» и «рабочему классу» в постсоветской России имеет глубоко укоренившиеся исторические предпосылки. До 1863 года многие россияне были крепостными, обрекая последующие поколения на маргинальное землевладение (выплату барщины «элите») и на нищету. Лидеры социалистической революции рассматривали «отсталость» сельского населения как препятствие экономическому росту. Предпочтение отдавалось урбанизации. Более того, апогеем сталинского «великого террора» явилась нещадная эксплуатация огромной массы людей, считавшихся «отработанным материалом», на богатом ресурсами российском севере. В послесталинский период такое отношение часто выражалось материально: большинство населения проводило в очередях огромное количество времени, чтобы купить самые необходимые товары, а у «элиты» был доступ к импортным товарам, путешествиям за границу и первоклассному жилью.

В путинской России, в то время как правительство, несомненно, озабочено проблемой сокращения уровня бедности, многие политики выражают удивительно надменное отношение к «бедным». Это отношение позволяет ответить на вопросы, поднятые Мэннингом [Manning, Tikhonova, 2004] и отмеченные выше: например, почему государство хочет снять с себя социальную ответственность перед гражданами. В большинстве интервью с «элитой», собранных в трех городах, где проводилось исследование, на представителей малообеспеченных слоев населения возлагалась вина за их нынешнее «положение», к которому их привели лень, отказ использовать возможности, предоставленные рыночной экономикой, и злоупотребление алкоголем. Например, анонимно цитируемый политик заявил во время интервью с автором, что предоставление малообеспеченному сельскому населению дополнительных материальных ресурсов является «пустой тратой времени», потому что они «попросту будут пить еще больше».

В качестве еще одного примера можно привести публичное высказывание Бориса Немцова, бывшего заместителя премьер-министра и губернатора области, заявившего, что «россияне бедные, потому что они не хотят интенсивно работать», а также, что «они <бедные> заглядывают Путину в глаза и хотят, чтобы он им все дал» (это высказывание прозвучало в крайне насмешливом тоне)<sup>1</sup>. Михаил Москвин-Тарханов, депутат Гос-

<sup>1</sup> Эти слова были сказаны Борисом Немцовым, бывшим заместителем премьер-министра России и одним из «молодых реформаторов», стимулировавших переход от советской командной экономики к рыночной, на семинаре в Центре исследований переходного периода в Колумбийском университете, Нью-Йорк, 9 апреля 2004 года.

думы, заявил в передаче государственного телевидения «Принцип домино», что «бедные слишком много хотят», аргументируя это тем, что кто-то должен занимать рабочие места, предоставляемые обществом (учителя, медицинский персонал), невзирая на свою несоответствующую подготовку и низкую заработную плату. Многие представители «элиты» или члены их семей оказались среди «победителей» переходного периода, и подобные заявления, многократно повторяющиеся в различных интервью, говорят о том, что они просто не понимают реальности повседневной жизни маргинализированных слоев населения.

Еще одним красноречивым примером является заявление директора Пенсионного фонда в Магадане о том, что пенсии выплачиваются вовремя, так как золотые доходы региона обеспечивают избыток бюджета. Региональная администрация «не знает, что с ним делать». Принимая во внимание тот факт, что пенсии в регионе составляют менее 50 % от размера установленного государством прожиточного минимума, то ответ, казалось бы, очевиден – увеличить размер пенсионных выплат. Еще один политик, давший интервью и тоже цитируемый анонимно, рассказал о позиции большинства думских депутатов. Главная проблема, полагает он, заключается в том, что вследствие неустойчивых политических принципов депутаты больше озабочены укреплением своих собственных социальных позиций (например, они занимаются другими видами деятельности для того, чтобы иметь возможность остаться в Москве навсегда, обеспечивают рабочие места членам семьи и друзьям, образование детям), нежели исполнением правительственных обязательств. Они мало что делают для сокращения уровня бедности, а этот процесс мог бы занять от 10 до 15 лет.

Этот дискурс о том, что «бедные на самом деле бедными не являются», побуждает государство проводить адресную социальную политику, основанную на проверке нуждаемости. Наши собеседники из «элиты» полагают, что население, имеющее возможность заниматься неформальными видами деятельности, либо уже ими занимается, либо должно этим заняться. Поэтому, согласно мнению, высказанному в ходе политических дискуссий, если у заявителя имеется дача или свободная комната в квартире, то после проверки нуждаемости для предоставления социальных благ выплаты должны быть снижены, так как заявители могут продавать излишнюю продукцию с дачи или же сдавать жилье в аренду. Один из респондентов, являющийся высокопоставленным политическим консультантом, ничтоже сумняшеся заявил, что использование таких методов могло бы сократить уровень бедности в России на 1/3. Другой респондент, ведущий юрист по правам человека, рассказал, как просто сокращать бедность, «делая отметки в списках». Также необходимо учитывать роль сотрудников международных программ развития. Такие организации, как Всемирный банк, привлекаются российским правительством с целью раз-

работки схем, нацеленных на сокращение количества бедных как в материальном, так и в статистическом плане. Ярким примером является схема обратных закладных, обсуждаемая в данное время Всемирным банком и Федеральным правительством [Buckley et al., 2003]. При распаде Советского Союза многие индивиды «унаследовали» свои квартиры (хотя они до сих пор вносят достаточно высокие платежи за коммунальные услуги). Таким образом, они обладают основным капиталом, который государство хочет «разморозить» с помощью обратных закладных. Вероятно, эта схема имеет свою логику, но представители маргинализованных слоев населения, у кого мы брали интервью, никогда бы не согласились участвовать в ней по причине полного недоверия к государству и банковскому сектору. В силу того, что многие люди потеряли свои сбережения дважды за последние тринадцать лет, в годы инфляции в 1992 году и из-за банковского кризиса 1998 года, понятно, что они не стали бы верить принадлежащую им собственность «элите». Однако «элита» полагает, что «бедные», отказываясь следовать подобным схемам, «совершают ошибку», потому что «не понимают» своей выгоды. Значит они не столько «бедны», сколько просто «упрямы».

Как может повлиять такое отношение на тех, кто маргинализован? Во-первых, эти аттитуды просачиваются к государственным служащим, взаимодействующим с данным сектором общества. Это перерастает во взаимное чувство подозрения и антагонизм, что еще больше отдаляет государство от представителей малообеспеченных слоев населения (последствия этого рассмотрены далее). Во-вторых, это оказывает влияние на восприятие малообеспеченными слоями населения повседневной жизни. Многие наши информанты говорили о том, что государство считает их обузой, и что случись кризис, они не могут рассчитывать на его поддержку. Один из информантов, являющийся ведущим сотрудником организации по оказанию международной помощи, на вопрос о том, улучшается ли социальная ситуация в Магадане, с оптимизмом ответил, что «проблемные случаи уходят в прошлое». Нужно отметить, что подобное отношение, возможно к некоторому удивлению, определенно укрепляло неформальные социальные связи среди представителей маргинализованных слоев населения, так как порождало ощущение коллективной идентичности – «они против нас». Многие респонденты заявили, что такое отношение усилило их желание выжить, вопреки безразличию, которое выказывает правительство. Однако определяющее значение такой позиции «элиты» заключается в том, что «элита» принадлежит к тем, кто определяет социальную политику в России. Как будет показано далее, перспективы государства таковы: будучи не в состоянии улучшить условия повседневной жизни малообеспеченных слоев населения, оно предстанет перед новой волной неопределенности и тревожности, препятствующих главной задаче правительства – сократить уровень бедности.

### Повседневное взаимодействие с государством

Выплата каждого государственного пособия сопровождается бюрократическими проволочками, стоянием в очередях, оформлением множества бумаг и, как сообщило подавляющее большинство наших информантов (большая их часть являлась представителями маргинализованных слоев населения), унижением. Лучшей иллюстрацией этого, как было показано выше, является взаимодействие с системой здравоохранения. В качестве другого примера можно привести тех, чей доход зависит от пособия по инвалидности. Эти люди, включая лиц, чья нетрудоспособность считается постоянной, например инвалиды с ампутацией, должны каждый год проходить медицинскую комиссию (ВТЭК), чтобы подтвердить свою инвалидность. Длительные ожидания, грубость персонала, необходимость объездить весь город, чтобы собрать нужные справки, – все это, как сообщают респонденты, превращает данный процесс в «настоящий кошмар». Очевидно, что не каждый в состоянии преодолеть эти «препятствия». Вот что написала по этому поводу одна из читательниц газеты «Аргументы и факты» [Киселева, 2004. Р. 17]:

*Моей маме 95 лет. Фактически она является инвалидом, но у нее нет официальных документов [которые необходимы, чтобы оформить пенсию по инвалидности]. Она слишком слаба для того, чтобы стоять в очередях в больнице для сдачи анализов, необходимых для подтверждения ее нетрудоспособности.*

Но даже если все необходимые документы собраны, получение пособия еще не гарантировано. Один респондент, например, был снят со своей профессиональной должности в армии по причине необратимого ухудшения зрения. Ему отказали в предоставлении государственного пособия, так как его состояние не было признано «достаточно серьезным». Однако он не имеет возможности заниматься формальной трудовой деятельностью, потому что записи в его медицинской карте и трудовой книжке указывают на его непригодность к работе. Таким образом, он вынужден работать неофициально, часто в сфере строительства, хотя он знает, что это негативно сказывается на его здоровье.

Пособие по безработице получить еще сложнее. Первый шаг заявителя – достать справку о последней заработной плате. Если человек потерял работу вследствие того, что обанкротилась фирма, получить данный документ будет чрезвычайно сложно, так как работодатели не связаны какими-либо обязательствами по оказанию такого рода помощи. Многие из наших информантов сообщали, что служба занятости советовала нанять адвоката с целью принуждения их прежнего работодателя предоставить данную информацию. Учитывая, что юридические услуги стоили бы намного больше потенциального пособия по безработице, люди вынуждены отказаться от государственной поддержки и заниматься неофициальной



трудовой деятельностью. Даже если заявителю удастся собрать соответствующие документы, служба занятости часто обвиняет его в их фальсификации или же требует дополнительных справок. Эта проблема многократно озвучивалась в наших интервью с безработными мужчинами среднего возраста из Санкт-Петербурга. Учитывая количество времени, которое занимает весь этот процесс, а также количество учреждений, в которых необходимо выстоять очередь, многие просто сдаются, так как пособие является краткосрочным и небольшим по размеру. Некоторые респонденты, принадлежащие к «элите», предполагают, что некоторые службы занятости находятся под давлением «сверху»: процесс максимально затрудняется, чтобы искусственно поддерживать низкий уровень безработицы.

Почти все респонденты пожилого возраста говорили о том, как это унижительно – «умолять» государство выплатить им то, что они заработали за всю свою жизнь и что в настоящее время гарантировано Конституцией. Еще одна важная проблема – неясность в отношении того, как рассчитывается размер пособия. Исследование, проведенное организацией по защите прав человека – Московской Хельсинской Группой, – показывает, что типичным случаем здесь является личная «интерпретация» тех, кто определяет уровень пособия. Они цитируют интервью с женщиной [Kovaleva, Lukashvskiy, 2003]:

*Мой отец обратился за пенсией. Ему сообщили размер пенсии, которую он будет получать. Он купил коробочку с кремом и принес в Пенсионный фонд. Ему повысили пенсию. Женщина, которая рассчитывает пенсию, может сослаться на какую-нибудь статью [из пенсионной нормативно-правовой базы]. А может и не сделать этого. И от этого будет зависеть размер пенсии.*

В Магадане само здание, куда граждане пожилого возраста обращаются за получением социальных выплат, указывает на отношение к ним государства. Оно находится вдали от линий движения транспорта, в нем очень холодно и нет стульев для ожидающих. Соответствующий отдел находится на четвертом этаже, и немощные пенсионеры с трудом поднимаются по лестнице – здесь это привычная картина [Калабахина, 2004]. Многие респонденты из маргинализованных слоев населения не получают пособий, а так как их размер весьма незначительный, то они считают, что нет смысла их выпрашивать. Надо отметить, что мы не пытаемся нападать на работников, работающих на самой передовой, ведь на них и так со всех сторон оказывается сильное давление. Они работают в учреждениях, финансируемых по остаточному принципу, и не имеют возможности справиться с таким огромным количеством заявителей, к тому же многие работники сами получают маленькие зарплаты, таким образом, их работа должным образом не «оплачена». Как бы то ни было, поведение правительственных работников, через которых осуществляется взаимо-

действие между федеральной политикой и теми, на кого она направлена, только способствует дальнейшему развитию негативного отношения к государству.

### **Новая волна социальных реформ: упразднение социальных льгот**

В то время как федеральное правительство озабочено сокращением уровня бедности, эти учреждения выясняют основания для предоставления социальных гарантий. На данный момент самой спорной из реформ, которые когда-либо проводились ранее, является замена социальных льгот увеличенными денежными социальными выплатами<sup>1</sup>. Такие льготы, как бесплатный проезд на местном транспорте или бесплатные местные телефонные звонки, оплата за коммунальные услуги по льготным тарифам, путевки в санатории и, вероятно самый важный вид государственной помощи, бесплатные лекарства, – все это признаки советского периода. Льготы будут заменены социальным пакетом стоимостью 450 рублей в месяц [Кириллов, 2004]<sup>2</sup>. Система субсидирования является пережитком социалистического социального соглашения, гарантировавшего предоставление социальных услуг «от колыбели и до могилы». Низкооплачиваемый труд советских работников подкреплялся уверенностью в том, что при выходе на пенсию государство обеспечит им достойный уровень жизни. Право на льготы, которое имели примерно 32 млн человек, не подразумевало проверку оснований для их предоставления, и существует мнение, что «самые богатые» слои общества имели непропорциональный доступ к социальным благам. Эта система была неэффективной, так как невозможно было проследить кто, что получает и как долго, и, кроме того, обходилась государству слишком дорого [Серова, 2004]. Таким образом, очевидно, что эта система требует радикального пересмотра.

Депутатам Госдумы пришлось отложить свои летние отпуска, чтобы продвинуть законопроект после первого чтения 2 июля 2004 года для его реализации в 2005 году. Он прошел, несмотря на чрезмерное «ворчание» обыч-

<sup>1</sup> Федеральное правительство чрезвычайно уклончиво определяет отмену льгот. Как отмечает М. Делягин [Делягин, 2004. С. 11], министр Зурабов, которому было поручено проведение этой реформы, не позволяет использовать такие термины, как «отмена субсидий» или «замена субсидий денежными компенсациями», и открыто отдает распоряжение использовать выражение «изменение форм социальной помощи». Как считает Делягин, это попытка скрыть настоящую природу реформ.

<sup>2</sup> Для лучшего понимания стоимости социального пакета в момент написания статьи необходимо привести некоторые примеры: в Москве батон хлеба стоит около 10 рублей, столько же стоит билет на автобус. Килограмм картофеля стоит 8 рублей, яйца – 25 рублей за 12 штук, растительное масло – 35 рублей за литр. Маргинализованные информанты с заболеваниями сердечно-сосудистой системы оценили стоимость необходимых лекарств в 350 рублей в месяц [Госкомстат... 2004а].

но уступчивой нижней палаты: 296 голосов против 116. Его принятие аннулировало 41 закон, внесло поправки в 155 [Кириллов, 2004]. В силу ограниченного объема статьи здесь не будет рассматриваться 600-страничный законопроект. Далее будет рассмотрено, как он был представлен общественности, какая реакция на него последовала, и какие потенциальные социальные потрясения он может за собой повлечь<sup>1</sup>.

Все представители «элиты», у которых были взяты интервью по поводу реформы системы социального обеспечения, считают, что способ подачи законопроекта населению можно назвать PR-провалом. Даже в период чтений законопроекта информация о том, в чем же конкретно состоит суть предлагаемых реформ, была явно недостаточной [более подробно см.: Самарина, 2004]. Например, когда у Михаила Зурабова, министра здравоохранения России и депутата, ответственного за данный законопроект, пытались выяснить, в какой степени денежные выплаты компенсируют утрату субсидий, то он сказал, что «на этот вопрос трудно дать честный ответ» [Вальхар, 2004]. Между первым и вторым чтениями законопроекта в него внесли, часто без обсуждения, так много поправок, что правительству пришлось выпустить «брошюру», которая должна была помочь депутатам отвечать на вопросы журналистов. Одна из ее глав называлась «Кто выступает против денежной компенсации и почему», в которой говорилось о том, что оппоненты законопроекта – это «политические спекулянты, которые пытаются обвести население вокруг пальца и предоставляют ложную информацию» [Самарина, 2004]. Основная причина проведения реформ, декларированная государством, состояла в том, что действующая система несправедлива по отношению к сельским жителям, не имеющим возможности пользоваться бесплатной телефонной связью и путевками в санаторий из-за отсутствия необходимой инфраструктуры. Подобные утверждения мало что объясняют, учитывая тот факт, что большинство тех, кого затронет реализация данного закона, проживает в городах и уже пользуется всеми этими субсидиями. Способствуя проведению реформы, государство контролировало первый канал телевидения, показывающий в ночных выпусках новостей интервью с сельскими жителями пожилого возраста, которые все как один приветствовали предлагаемые изменения. За целую неделю ни в одном выпуске не показали ни одного интервью с городскими жителями, не раздалось ни единого голоса против. И в то же время анализ интервью с москвичами, писем читателей в газеты, звонков на радио показывает, что такое позитивное отношение к реформе встречается весьма редко.

<sup>1</sup> Для получения общей информации о сложности документа, о коротком сроке, который был предоставлен депутатам Госдумы для чтения законопроекта до момента голосования, о его недоступности для региональных лидеров, которые были вынуждены искать финансовые средства для проведения реформы до опубликования законопроекта, см. [Делягин, 2004].

Наверное, самую большую путаницу вызывает вопрос о том, кто будет обеспечивать финансирование увеличенного размера пенсий. Из принятых документов можно видеть, что примерно для 20 млн человек масштабы реформирования будут определяться региональными администрациями. При таком поспешном чтении законопроекта у региональных лидеров не было достаточно времени даже для того, чтобы вникнуть в суть дела, не говоря уже о том, чтобы дать обоснованный ответ [Самарина, 2004]<sup>1</sup>. Сейчас они наделены полномочиями принимать решение по поводу того, сохранять ли субсидии полностью или заменять их, частично или полностью, денежными выплатами. Вне зависимости от принятого решения они в любом случае должны «найти» деньги на финансирование [более подробно см.: Данилова, 2004]. Учитывая финансовые и организационные проблемы, с которыми сталкиваются регионы, выполнить эту задачу им будет чрезвычайно трудно [Серова, 2004]. Правительство заявило, что в 2006 году, год спустя после того, как эта схема начала работать, получатели денежных выплат смогут «выкупить» соответствующую субсидию, в случае, если у них «не будет денег». Учитывая, что задолженность государства по заработной плате составляет почти 1/4 от всей суммы задолженностей, это предложение едва ли можно считать жизнеспособным [Госкомстат... 2004б]. Более того, поскольку многие граждане не рассматривали такие предложения всерьез, это пояснение не было включено в законопроект. Главной причиной беспокойства таких людей является стоимость лекарств. Несмотря на низкое качество лекарств и трудности, которые связаны с их получением, о чем уже говорилось ранее, некоторым людям, в конце концов, все-таки удастся достать некоторые препараты бесплатно. Перспектива утраты прав на бесплатные медикаменты по понятным причинам вызывает беспокойство у населения. Вот как высказался один наш информант:

*Конечно, лекарства, которые я получаю, не очень хорошего качества, но, по крайней мере, они бесплатные. Упаковка стоит 300 рублей, а мне в месяц нужно три упаковки. Даже если я получу небольшую компенсацию, мне не хватит денег, чтобы их приобрести – а цена, конечно, будет продолжать расти.*

Утрата права на бесплатный проезд также будет иметь негативные последствия. Многие малообеспеченные граждане пожилого возраста зависят от своих дач не только потому, что выращивают там овощи и фрукты, но также и потому, что для них дача – это способ вырваться из городской суеты и отдохнуть [см.: Round, 2003b]. В то время, когда ведутся многочисленные споры по поводу обоснования экономической целесообразности «дачного производства» [см., например: Clarke, 1999; Smith,

<sup>1</sup> Мэр г. Москвы Юрий Лужков заявил, что он сохранит систему субсидий. Многие респонденты объяснили это тем, что его основным электоратом являются представители старшего поколения.

2002], многие респонденты заявляют, что если бы у них не было дачи, они не смогли бы себе позволить покупку овощей и фруктов. Без права бесплатного проезда большинство пенсионеров должны будут платить свыше сотни рублей за одну поездку, что составляет до 5 % от их ежемесячной пенсии. Так как многие дачи имеют ограниченные удобства, жить там длительное время невозможно, поэтому приходится часто возвращаться в город. Из-за появления новых затрат на транспорт, многие респонденты считают, что они больше не смогут содержать дачи, тем самым отказывая себе в важном источнике питания.

Слабые места данного закона проявляются не только в его поспешной реализации, и заключаются они не только в том, что малообеспеченные слои населения оказываются в сложной ситуации из-за увеличения расходов – данный проект имеет многочисленные структурные недостатки, о которых правительство публично не заявляло. Во-первых, кто и что будет получать? Как было упомянуто ранее, одним из критикуемых аспектов политики субсидирования является отсутствие проверки нуждаемости. Однако новая схема также не включает проверку нуждаемости, так что система денежных выплат снова будет обеспечивать людей, не нуждающихся в такой поддержке. Таким образом, трудно понять, в каком случае можно достигнуть дополнительной финансовой эффективности. Более того, во многих регионах России в настоящее время уровень заработной платы достаточно невысокий, а также имеются задолженности по выплатам пенсий [Госкомстат... 2004б]. Если региональные администрации не в состоянии выполнять свои текущие обязательства, как же они тогда смогут справиться с дополнительной ответственностью? Коррупция также представляет потенциальную проблему. Например, наши информанты из Магадана, ставшие в свое время жертвами политических репрессий, заявили, что они не получают от региональной администрации компенсационных выплат, предусмотренных федеральным правительством. В силу того, что коррупция является одной из самых широко распространенных проблем в постсоветской России, необходимо понять, стоит ли заменять конкретные не денежные социальные гарантии (такие, как бесплатный проезд) притоком финансов в политико-социальную систему?

Во-вторых, инфляция. Несмотря на намерение правительства индексировать льготы, это решение не было внесено в законопроект. Более того, данная индексация, как и любая другая, будет проводиться после инфляции. Введение денежных выплат в действительности, несомненно, вызовет инфляционное давление и будет использоваться бизнесом в качестве тайного прикрытия для повышения цен на товары и услуги. В вышеупомянутой брошюре, подробно описывающей реформы, авторы ссылаются на «мафию» фармацевтического рынка, которая «паразитирует» на системе субсидирования [Самарина, 2004]. И снова остается неясным, почему монетизация системы может ликвидировать эту «мафию».

В-третьих, то, чего предложенная схема не учитывает. Даже если гражданам пожилого возраста имеют возможность покрывать свои медицинские расходы, они не смогут заплатить за путевку в санаторий, хотя в настоящее время многие из них имеют право на путевку каждые три / четыре года. Отдых в санатории благотворно влияет на их здоровье, так как санатории расположены за пределами загрязненных городов и обеспечивают доступ к предписанной медицинской помощи. Многие аналитики полагают, что для большинства из пожилых людей путевка в санаторий является вопросом «жизни или смерти». Более того, санаторий – это место отдыха, место, где можно завести новые и поддержать старые знакомства. Правительство считает, что гражданам пожилого возраста необходимо «немного откладывать каждый месяц», чтобы накопить на такое лечение. Учитывая то обстоятельство, что в среднем такая путевка стоит приблизительно 15 тыс. рублей, малообеспеченный пенсионер приобрести ее просто не в состоянии.

В-четвертых, влияние на повседневное общение: лишение права на бесплатные местные телефонные звонки может показаться относительно незначительной потерей. Однако в России эта льгота имеет большое психологическое значение. Телефоном регулярно пользуются для того, чтобы связаться с друзьями и другими членами социальных сетей и убедиться в том, что у них все в порядке. Телефон используется для передачи информации и знаний и становится особо важным в зимнее время, когда перемещения по городу становятся затруднительными для лиц пожилого возраста [Round, 2003b; Round, 2005; Щукина, 2004]. Если телефонные звонки станут платными, малообеспеченные слои населения из-за своего чрезвычайно ограниченного бюджета не смогут пользоваться телефоном в таком же объеме, как и прежде.

В-пятых, государство устанавливает прожиточный минимум. В среднем размер пенсии в России находится ниже прожиточного минимума [Госкомстат... 2004a]. Первое следствие монетизации будет заключаться в увеличении пенсий до уровня установленного государством прожиточного минимума, но этого, как отмечалось ранее, не достаточно для обеспечения достойного уровня жизни. Поэтому денежные выплаты будут скорее потрачены на полноценное питание, замену изношенной бытовой техники и ремонт вещей, нежели будут использоваться по целевому назначению. Очевидно, что во время дебатов по замене льгот эта проблема не обсуждалась. Но переложив социальную ответственность на региональные власти, федеральное правительство сможет возложить вину за бедственное положение граждан на региональных лидеров. Менее очевидный прогноз таков: многие из тех, кого затрагивает новая реформа, к следующим президентским выборам в 2008 году уже умрут или будут слишком заняты борьбой за выживание, чтобы представлять для государства политическую проблему. Михаил Делягин, политический советник бывшего премьер-министра

Михаила Касьянова, в многочисленных интервью в средствах массовой информации заявлял, что эти реформы «напоминают геноцид» [Делягин, 2004. С. 11]:

*Реформаторы в полной мере осознают, что резкое снижение уровня социальной защиты в отношении наиболее зависимых от социальной помощи граждан повлияет на демографическую ситуацию – люди начнут умирать.*

Принимая во внимание тот факт, что государство не может более или менее вразумительно разъяснить суть предлагаемых реформ, можно предвидеть, что со стороны тех, кого эти реформы коснутся, будет высказано много неодобрительных и тревожных откликов.

### **Тревога и унижение**

Одним из самых проблематичных аспектов постсоветских трансформаций является возросшая нестабильность повседневной жизни. Гиперинфляция начала 1990-х и девальвация денег в августе 1998-го привели к тому, что сбережения многих россиян сократились вдвое, в то время как цены на основные продукты питания резко поднялись. Таким образом, многие респонденты боятся наступления еще одного такого же кризиса. Эта проблема осложняется нехваткой доверия к аппарату правительства. Люди на самом деле осознают, что, выражаясь словами Баумана [Bauman, 1998], государство считает их «отработанным материалом». Поэтому сообщение о готовящихся реформах, содержание которых не было достаточно разъяснено, и которые должны будут оказать непосредственное влияние на уровень жизни многих граждан, незамедлительно привело к новой волне неопределенности. Учитывая, что у многих представителей маргинализованных слоев населения слабое здоровье, такой дополнительный стресс для них весьма нежелателен. Впрочем, для многих увеличивающийся уровень маргинализации имеет второстепенное значение. Почти в каждом интервью и в письмах в средства массовой информации, затрагивающих данную тему, поднимается проблема «унижения». Наши информанты из числа маргинализованных граждан считают, что право на получение льгот они заслужили, участвуя во Второй мировой войне. Отмену этих льгот они воспринимают как отмену почестей, которые воздавало им государство. Один из респондентов высказался так:

*В первую очередь для нас, стариков, отмена льгот является глубоко унижительной. Наши льготы были заработаны длительной и тяжелой работой на благо государства. Субсидии являлись доказательством наших жизненных достижений. Мы считаем, что у нас есть право на сохранение того, что мы заработали в течение всей жизни. Российский совет ветеранов решил следующее: если закон будет принят, все мы, ветераны войны и социалистического труда, пойдем на Красную площадь в День победы*

*и выбросим там все свои медали. [Государство поручилось, что этого не произойдет, и с этой целью ограничило доступ в центр Москвы за несколько дней до празднования].*

К тому же, и, наверное, это неудивительно, государственные служащие высокого уровня сохраняют свои льготы. Вот что заявляет Борис Немцов, в более сдержанной манере, нежели автор вышеприведенного высказывания, в интервью с Л. Цукановой [Цуканова, 2004]:

*Вы хотите упразднить льготы? Прекрасно. Мы не возражаем, но почему бы ни начать с себя? Сделайте платным образование и медицинскую помощь для Путина, Фрадкова, Грызлова и всех членов Госдумы, государственных чиновников и членов их семей. Закройте Четвертое управление при Министерстве здравоохранения. Когда рождают ваши жены – платите 1 500 долларов. Платите по меньшей мере 2 000 долларов в месяц за загородные дома в Барвихе вместо 2 000 рублей. Начните с себя, а не со стариков и инвалидов.*

Все наши собеседники из числа малообеспеченных слоев населения считают, что даже если реформы поначалу и принесут с собой какие-то выгоды, вскоре инфляция сведет их на нет. Почти все информанты отметили, что цена на необходимые лекарства значительно выше размера компенсации. Поэтому многие считают, что им придется выбирать между компенсациями и льготами. Все это вызывает много страхов относительно будущего. Также люди понимают, что эти изменения приведут к необходимости снова посещать учреждения, стоять в очередях и подвергаться унижению. Как отмечает М. Делягин [Делягин, 2004. С. 11]:

*В таких учреждениях просто нет места для того, чтобы принять всех потенциальных заявителей, а руководители этих учреждений не смогут принять на работу больше персонала для обработки всех заявлений. Таким образом, пожилые люди и ветераны подвергнутся еще большему унижению.*

Большинство маргинализированных информантов весьма прагматично относятся к своему положению. Они знают, что их материальное благосостояние на их веку значительно не улучшится. Однако они чувствуют, что нельзя еще больше посягать на их права, для того чтобы сохранить государственные деньги. Одна из информантов рассказала, что для того чтобы купить хлеб, она две остановки едет на автобусе. В случае бесплатного проезда полная стоимость буханки хлеба составляет 9 рублей. В случае платного проезда туда и обратно цена возрастает до 21 рубля, что намного превышает ее бюджет. Непонятно, во что эта поездка, протяженностью в две остановки, обходится сегодня государству.

### **Общий итог**

В России достигнут очень высокий уровень «бедности» после распада Советского Союза. Однако, как показал наш анализ, маргинализация каса-



ется не только уровня доходов. В то время как многие представители политической элиты и их семьи в результате постсоветских преобразований оказались в роли «победителей», пока еще не достаточно изучено то, с чем приходится сталкиваться малообеспеченным гражданам в их повседневной жизни. В условиях «свободного рынка» преобладает позиция «Я преуспел, значит, можешь и ты». Большинство маргинализованных информантов понимало, что переход от советской системы к рынку повлияет на их жизнь в материальном плане. Это, частично, является причиной отсутствия общественного протеста относительно их положения. Они осознают наличие экономических трудностей, с которыми сталкивается страна, и понимают, что не могут надеяться на то, что социальные выплаты «сделают их богатыми». Тем не менее от государства они требуют, чтобы их жизнь не становилась еще более нестабильной. Они не хотят унижаться, обращаясь за льготами, которые гарантированы им конституцией. Они хотят иметь возможность зарегистрироваться в качестве безработных и не быть обвиненными в том, что они «пытаются надуть государство». Более того, после 12 лет разработки стратегий преодоления маргинализации в данное время государство избавляется от некоторых краеугольных камней, на которых эти стратегии основываются.

Многие наши собеседники, как представители «элиты», так и маргинализованные граждане, в упразднении социальных субсидий видят знак дальнейших, потенциально более опасных реформ. Следующей ступенью «переходного» процесса станет установление рыночных цен на коммунальные услуги и платежи за услуги ЖКХ, что является, по замечанию Мэннинга [Manning, Tikhonova, 2004. P. 226], «дорогой к свободной конкуренции» на рынке социальных услуг. Одновременно обсуждается законопроект, позволяющий избавиться от тех, кто не способен платить за коммунальные услуги. Соответственно респонденты вполне обоснованно опасаются, что из-за своей неплатежеспособности они будут вынуждены продать свои квартиры, оставить «родной дом» и обосноваться в более дешевом районе. Учитывая уровень коррупции и нестабильность предшествующего периода в жилищном и банковском секторах, многие боятся, что государство обманом отнимет у них квартиры, вынудив их продать, и полученные средства будут потеряны из-за инфляции или еще одного банковского кризиса. Было бы цинично предполагать, что эта «миграция» освободила бы рынок жилья в таких экономически успешных городах, как Москва или Санкт-Петербург. Однако это, несомненно, было бы выгодно для местных властей этих городов, поскольку количество людей, нуждающихся в финансовой помощи, сократилось. Бремя оказания «социальной помощи», таким образом, легло бы на плечи менее преуспевающих регионов, которые, выражаясь метафорически, расположены далеко от тех мест, где слагаются истории о процветании в постсоветской России. Наши выводы помогут ответить на вопросы, поднятые Мэннингом [Manning,

Tikhonova, 2004. P. 226], почему государство больше не желает выполнять роль социального гаранта.

Какого же курса следует придерживаться государству? Если оно не может повысить социальные выплаты до уровня, гарантирующего приемлемую жизнь представителям маргинализированных слоев населения, то должны быть предприняты другие меры, обеспечивающие надлежащую социальную защиту. Однако позиция «элиты», как и проблема доступности социальных льгот и упразднение социальных субсидий имеют противоположный эффект. Люди поглощены решением повседневных проблем. Большинство респондентов не надеются на то, что государство решит все их проблемы или не хотят этого. Однако существуют достаточно простые и недорогие меры, которые может предпринять государство. Например, в Магадане многие люди зависят от выращенных на собственных участках продуктов питания, дополняющих их рацион. Основными проблемами, с которыми сталкиваются жители, являются покупка семян и дачное воровство. Снабжение семенами и обеспечение охраны дачных участков в той или иной форме в рамках регионов, создание накопительных пенсионных фондов – не такая уж сложная задача. Реальные попытки уничтожить коррупцию и неформальные доплаты, необходимые сфере социального и медицинского обеспечения, также благотворно сказались бы на благосостоянии малообеспеченного населения. Однако до тех пор, пока государство не перестанет рассматривать «бедных» как «проблему» и как группу, «пытающуюся обвести государство вокруг пальца», вероятность принятия даже таких элементарных мер чрезвычайно мала. В целом очень трудно представить, даже в условиях продолжающегося экономического роста, как может улучшиться жизнь малообеспеченных слоев населения в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Вероятно, многие пожилые люди просто не доживут до этих долгожданных изменений.

### **Список литературы**

*Альперович В.* Проблемы старения: демография, психология, социология. М.: АСТ Астрель, 2004.

*Архангельская Н.* Кто в России бедный // Эксперт. 2004. № 16 (419). Апрель.

*Вальхар В.* Закон будет принят в сыром варианте // Округ Запад. 2004. 19 июня.

*Госкомстат.* Российский статистический ежегодник. М.: Государственный комитет статистики Российской Федерации, 2003.

*Госкомстат.* Россия в цифрах. М.: Государственный комитет статистики Российской Федерации, 2004а.

*Госкомстат.* Информация о социально-экономическом положении России, январь-август 2004. М.: Государственный комитет статистики Российской Федерации, 2004б.

*Данилова М.* Нуждающиеся россияне могут потерять свои льготы // Коммерсант. 2004. 3 авг.

*Деягин М.* Субсидии не подарок бюрократов – люди сами способны решать за себя // Московская среда. 2004. 11 июля.

*Заславская Т.* Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

*Калабихина И.* Гендерные вопросы в России в конце XX века. Фокус групповое интервью. М.: Аксифилат, 2004.

*Кириллов Р.* В бюджете нет денег: Государственная дума готова принять закон о монетизации льгот в окончательном чтении // Известия. 2004. 3 авг.

*Киселева Л.* Отдайте нам то, что мы заработали // Аргументы и факты. Долгожитель. 2004. № 3. Июль.

*МагГоскомстат.* Социальное развитие Магаданской области, 1985, 1990, 1995, 1997–1999 гг. Магадан: Магаданский областной госкомстат, 2000.

*Прохоров В.* Здоровье населения России в XX веке. М.: МНЕПУ, 2001.

*Самарина А.* Продажные журналисты получили деньги, украденные у бюджетников // Независимая газета. 2004. 2 авг.

*Серова Ю.* Подстраховка // Новая газета. 2004. № 56. Август.

*Симонов В.* Русские устали от добродетели быть бедными // РИА Новости. 2004. 27 апр.

*Суринов А.* Уровень жизни населения России: 1992–2002 гг. М.: Госкомстат, 2003.

*Тихонова Н.* Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003.

*Цуканова Л.* Неправильно пытаться сделать народ социально активным с помощью искусственных средств // Новое время. 2004. № 28. Июль.

*Щукина Н.* Институт взаимопомощи в системе социальной поддержки пожилых людей. М.: Дашков, 2004.

*Abrahamson P.* Social exclusion in Russia // Poverty and Social Exclusion in the New Russia / Manning N., Tikhonova N. (Eds). Burlington: Ashgate, 2004.

*Ashwin S.* Russian Workers: The Anatomy of Patience. Manchester: Manchester University Press, 1999.

*Åslund A.* How Russia Became a Market Economy. Washington DC: Brookings Institution, 1995.

*Åslund A.* Think Again Russia. Foreign Policy, 2001 // [http://www.foreignpolicy.com/issue\\_julyaug2001](http://www.foreignpolicy.com/issue_julyaug2001).

*Bauman Z.* Work, Consumerism and the New Poor. London: Open University Press, 1998.

*Berardi L.* Globalization and Poverty in Chile // Discourse and Society. 2001. No. 12(1). P. 47–58.

*Braithwaite J.* The Old and New Poor in Russia // Poverty in Russia: Public Policy and Private Responses / Klugman J. (Ed.). Washington DC: World Bank, 1997.

*Buckley R., Cartwright K., Struyk R., Szymanoski E.* Integrating housing wealth into the social safety net for the Moscow elderly: an empirical essay // Journal of Housing Economics. 2003. No. 12(3). P. 202–223.

*Burawoy M., Krotov P., Lykina T.* Involution and Destitution in Capitalist Russia // Ethnography. 2000. No. 1(1). P. 43–65.

- Busse S.* Strategies of Daily Life: Social Capital and the Informal Economy in Russia // Sociological Information. 2001. No. 38.
- Byrne D.* Social Exclusion. London: Open University Press, 1999.
- Cameron A.* Geographies of welfare and exclusion: initial report // Progress in Human Geography. 2005. No. 29(2). P. 194–203.
- Clarke S.* New Forms of Employment and Household Survival Strategies in Russia. Coventry: ISITO/CCLS, 1999.
- Coleman M.* Thinking About the World Bank's «Accordion» Geography of Financial Globalization' // Political Geography. 2002. No. 21(4). P. 495–524.
- Crisp B., Kelly M.* The Socio-Economic Impacts of Structural Adjustment // International Studies Quarterly. 1999. No. 43(3). P. 533–552.
- Davidova N., Tikhonova N.* Gender, Poverty and Social Exclusion // Poverty and Social Exclusion in the New Russia / Manning N., Tikhonova N. (Eds). Burlington: Ashgate, 2004.
- Certeau M. de.* The Practice of Everyday Life. Berkeley: University of California Press, 1984.
- Escobar A.* Encountering Development: The Making and Unmaking of the Third World. Princeton: Princeton University Press, 1995.
- Freeland C.* Sale of the Century: The Inside Story of the Second Russian Revolution. London: Little Brown, 2000.
- Gaddy C., Ickes B.* Russia's Virtual Economy // Foreign Affairs. 1998. No. 77(5). P. 53–67.
- Humphrey C.* The Unmaking of Soviet Life. Everyday Economies After Socialism. New York: Cornell University Press, 2002.
- Jha P.* The Perilous Road to the Market: The Political Economy of Reform in Russia, India and China. London: Pluto Press, 2002.
- Kelly T.* Neo-Liberal Reforms and Rural Poverty // Latin American Perspectives. 2001. No. 28(3). P. 84–103.
- Kolodko G.* Transition to a Market Economy and Sustained Growth. Implications for the Post-Washington Consensus // Communist and Post-Communist Studies. 1999. No. 32(3). P. 233–261.
- Kovaleva A., Lukashevskiy S.* Discrimination against women in contemporary Russia // Moscow Helsinki Group, 2003 // <http://www.mhg.ru/english/1EBE2C9>.
- Lane D.* What Kind of Capitalism for Russia? A Comparative Analysis // Communist and Post-Communist Studies. 2000. No. 33 (4). P. 485–504.
- Layard P., Parker J.* The Coming Russian Boom. London: Free Press, 1996.
- Lefebvre H.* Critique of Everyday Life. London: Verso Books, 1992.
- Lovell S.* Summerfolk: A History of the Dacha, 1710-2000. New York: Cornell University Press, 2003.
- Mackay R.* Unemployment as exclusion: unemployment as choice // Unemployment and Social Exclusion / Lawless P., Martin R., Hardy S. (Eds). London: Jessica Kingsley, 1998.
- Manning N., Tikhonova N.* (Eds). Poverty and Social Exclusion in the New Russia. Burlington: Ashgate, 2004.
- Manning N.* Social policy, labour markets, unemployment and household strategies in Russia // International Journal of Manpower. 1998. No. 19(12). P. 48–67.

*Manning N., Shkaratan O., Tikhonova N.* (Eds). *Work and Welfare in the New Russia*. Burlington: Ashgate, 2000.

*Matthews M.* *Poverty in the Soviet Union: the life-styles of the underprivileged in recent years*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

*McAuley A.* *Inequality and Poverty* // Lane D. *Russia in Transition: Politics, Privatization and Inequality*. Harlow: Longman, 1995.

*Myers S.* *Minus 4 on Mean Streets: Nonpersons Are Dying* // *New York Times*. 2003. January 10.

*Orshansky M.* *How Poverty is Measured* // *Monthly Labour Review*. 1969. No. 92(2). P. 37–41.

*Pallot J., Moran D.* *Surviving the Margins in Post-Soviet Russia: Forestry Villages in Northern Perm' Oblast'* // *Post-Soviet Geography and Economics*. 2000. No. 41(5). P. 341–364.

*Pender J.* *From 'Structural Adjustment' to 'Comprehensive Development Framework': Conditionality Transformed?* // *Third World Quarterly*. 2001. No. 22(3). P. 397–412.

*Pickup F., White A.* *Livelihoods in Post-communist Russia: Urban/Rural Comparisons* // *Work, Employment and Society*. 2003. No. 17(3). P. 419–434.

*Rose R.* *How Much Does Social Capital Add to Individual Health? A Survey Study of Russians* // *Social Science & Medicine*. 2000. Vol. 51. No. 9. P. 1421–1435.

*Rose R.* *Getting By Without Government: Everyday Life in a Stressful Society*. SPP Discussion paper, 1994.

*Rose R.* *Getting Things Done In An Anti-Modern Society: Social Capital Networks in Russia*. The World Bank Social Capital Initiative. Working Paper. Washington, 1998. No. 6.

*Round J.* *Marginalised for a lifetime. The everyday experiences of gulag survivors in post-Soviet Magadan* // *Geografiska Annaler: Series B*, 2005.

*Round J.* *Russia's Demographic Crisis: the Impact on Middleaged Men* // *Analysis of Current Events*. 2003a. No. 16(1).

*Round J.* *The Social Costs of Transition: A Case Study of Magadan Oblast*. Unpublished PhD thesis, University of Birmingham, 2003b.

*Seabright P.* (Ed.). *The Vanishing Rouble: Barter Networks and Non-Monetary Transactions in Post-Soviet Societies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

*Smith A., Swain A.* *Regulating and Institutionalising Capitalism: The Micro Foundations of Transformation in Eastern and Central Europe* // *Theorising Transition: The Political Economy of Post-Communist Transformations* / Pickles J., Smith A. (Eds). London: Routledge, 1998.

*Smith A.* *Rethinking 'Survival' in Austerity: Economic Practices and Household Economies in Slovakia* // *Work, Employment and Transition: Restructuring livelihoods in post-communism* / Rainnie A., Smith A., Swain A. (Eds). London: Routledge, 2002.

*Solimano A.* *Beyond Unequal Development: An Overview*. Washington DC: World Bank, 1998.

*Thompson K.* *Regional Welfare System Developments in Russia: Community Social Services* // *Social Policy and Administration*. 2002. No. 36(2). P. 105–122.

*Hoven B. van* (Ed.) *Lives in Transition*. London: Longman, 2004.

*Williamson J.* What Should the World Bank Think about the Washington Consensus // The World Bank Research Observer. 2000. No. 15(2). P. 251–64.

*Williamson J.* What Washington Means by Policy Reform // Latin American Adjustment: How Much has Happened? / Williamson J. (Ed.). Washington DC: Institute for International Economics, 1990.

*World Bank.* Russian Federation: Poverty Assessment. Moscow: World Bank, 2004.

*World Bank.* Shadow Economy Reserve for Growth. 2002 // [www.worldbank.org/eca/Russia.nsf/0/F5BB4A914304C9B9C3256CB600350661](http://www.worldbank.org/eca/Russia.nsf/0/F5BB4A914304C9B9C3256CB600350661).

*World Bank.* Transition – The First Ten Years: Analysis and Lessons for Eastern Europe and the Former Soviet Union. Washington DC: World Bank, 2000.

*Zanetta C.* The Evolution of the World Bank's Urban Lending in Latin America: From Sites And Services to Municipal Reform and Beyond // Habitat International. 2001. No. 25(4). P. 513–533.

---

Джон Раунд

PhD, преподаватель кафедры географии,  
Университет Лейстера, Великобритания

электронная почта: [j.round@le.ac.uk](mailto:j.round@le.ac.uk)

(Пер. с англ. Н. Нестеренко, под ред. Е. Решетниковой)

---